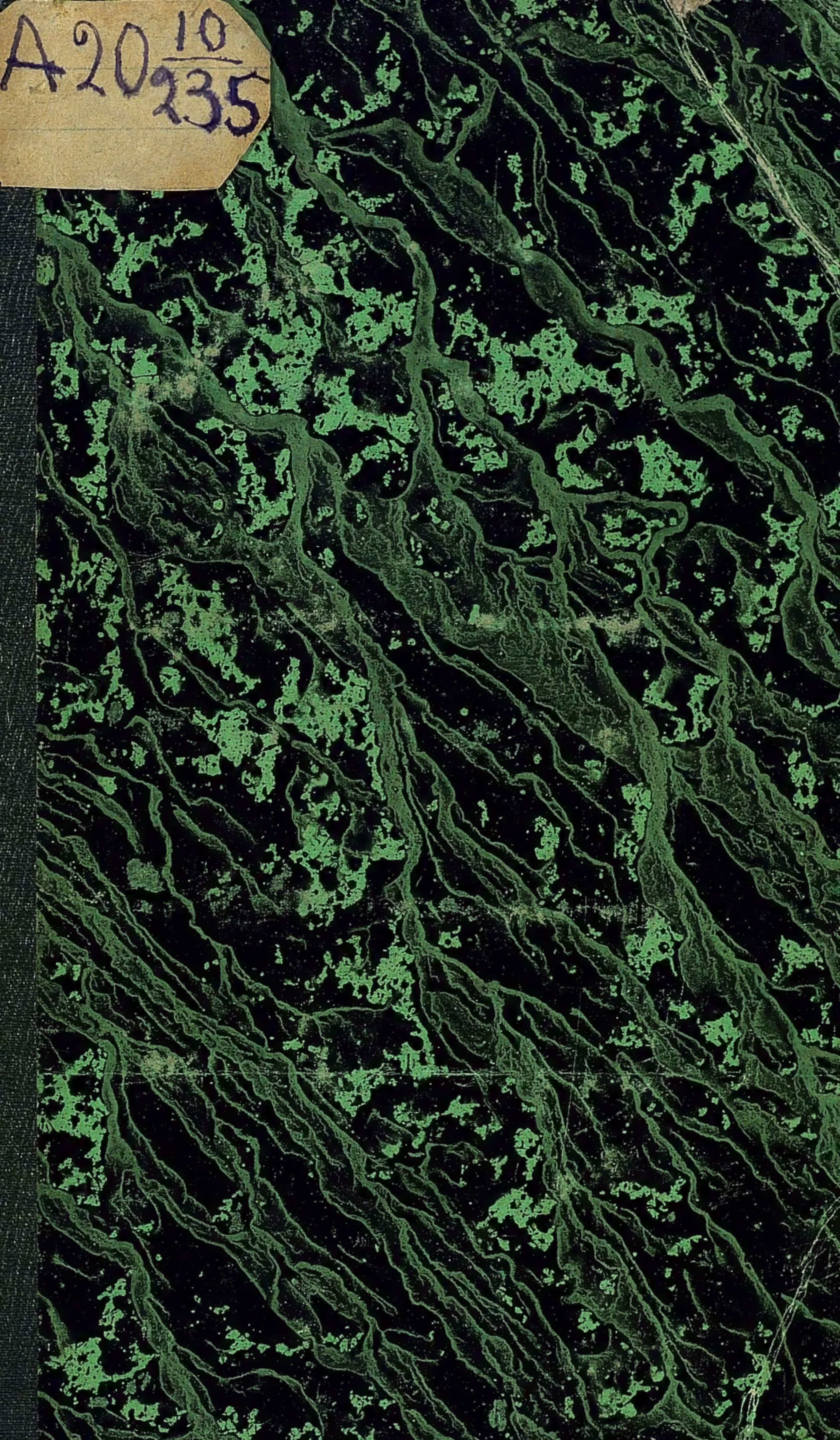

A 20 10/235

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

И

БОНАПАРТЕ

...... Jam non ad culmina rerum
Injustos crevisse querar; tolluntur in altum,
Ut lapsu graviore ruant.

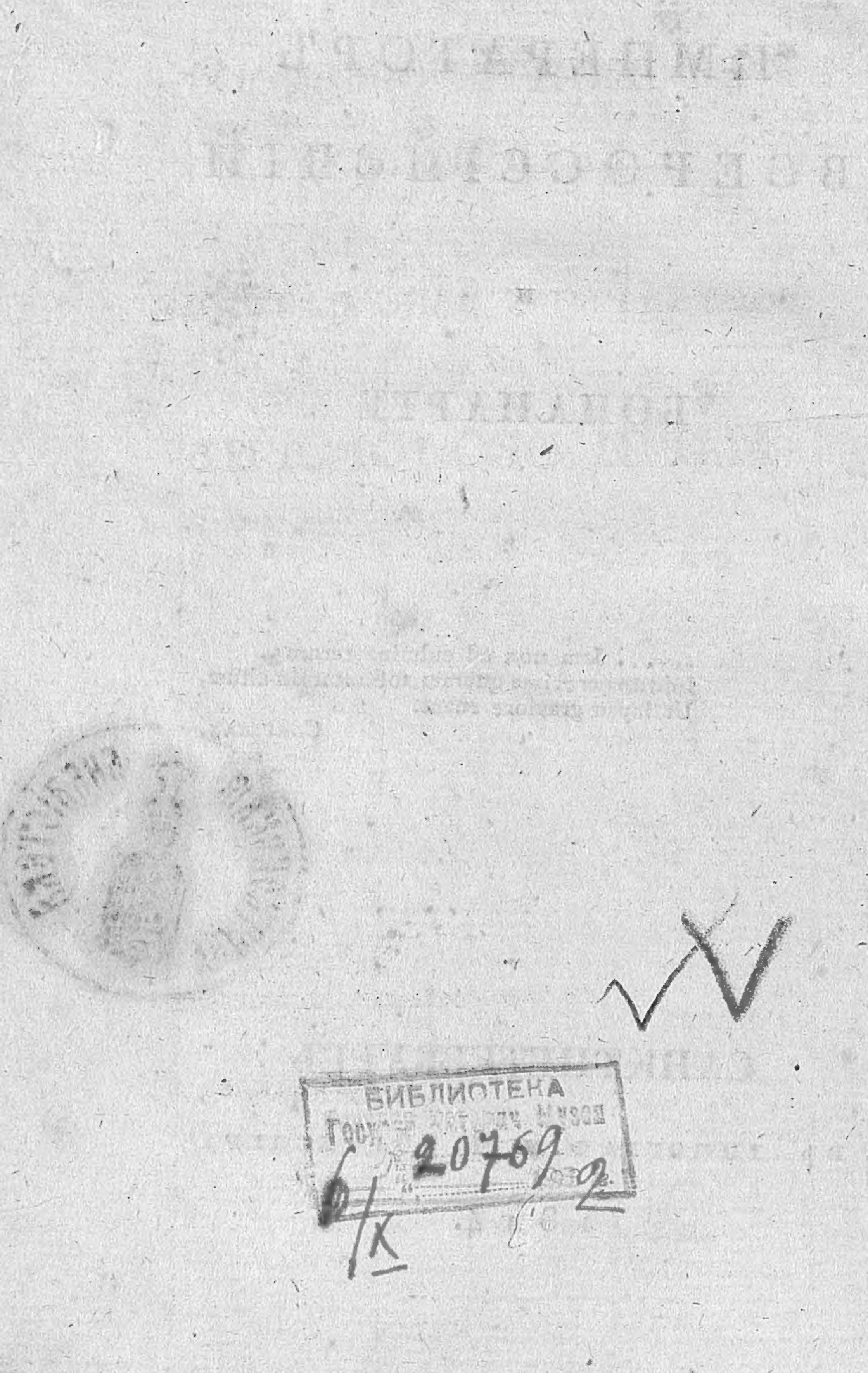
CLAUDIAN.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. ДРЕХСЛЕРА

1814.

БИБЛИОТЕКА
20769

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Сочинитель.

Послѣднее сочиненіе Г. *Шатобріана* подало мысль къ начертанію сихъ строкъ. Не имѣю тщеславія становиться рядомъ съ симъ знаменитымъ писателемъ, котораго рѣдкому таланту никто больше меня не удивляется; но благодарю ему, что онъ не писалъ о семъ предметѣ. Радуюсь, что предоставлено Рускому, хотя и въ неравныхъ силахъ, принести жертву благоговѣнія безпримѣрной славѣ

Монарха, который, можно сказать, душею своею принадлежит многим вѣкам, и который съ такимъ достоинствомъ соединяетъ въ себѣ свойства Христіянина, Философа и воина.

Уваровъ.

ИМПЕРАТОРЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

И

БОНАПАРТЕ.

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ И БОНАПАРТЕ.

Радостныя восклицанія, раздающіяся отъ Кадикса до Камчатки, свидѣтельствуютъ, что всѣ народы принимаютъ равное участіе въ общемъ освобожденіи своемъ; но, смѣю сказать, должно быть Рускимъ, чтобъ чувствовать во всей полнотѣ неизрѣченную радость, внушаемую характеромъ и поступками Великаго Государя, бывшаго Ага-

мемнономъ въ семъ ополченіи Царей; должно бышь Рускимъ, чшобъ выразишь чувсшво славы имѣшь шакого Монарха, должно бышь Рускимъ, говорю, чшобъ вознесшись на сшепень сей добродѣшельной души, воздающей благодѣяніемъ за поношеніе, свободою за рабсшво, и освобождающей Францію ошъ шѣхъ бѣдсшвій, кошорыя она излила на Россію.

Посреди шысячи голосовъ, громко изображающихъ всѣ злодѣянія издыхающаго ширансшва, принимаюсь я за перо, чшобъ предсшавишь, есшьли успѣю, въ исшинномъ видѣ удивишельное поведеніе Императора Всероссійскаго, его харакшеръ, швердосшь, полишическія его правила, рыцарскія добродѣшели — эшо наше досшояніе! — Надѣюсь, чшо меня не сшанушъ упрекашь въ лесши: ни-

какая сила человѣческая не имѣетъ власти надъ перомъ моимъ. Знаю, что молчаніе бываетъ иногда обязанностію, но ложь никогда!

Чтобъ изобразить поведеніе Императора нашего во всей его красотѣ, должно противопоставить ему поведеніе его противника. Обращусь къ самой колыбели сего исполинскаго могущества, разсыпавшагося съ толикимъ безстыдствомъ и подлостію, и говоря о начальныхъ дѣлахъ Бонапарта, постараюсь сохранить хладнокровіе Историка. Мужество повелѣвало снимать съ него личину, нападать на него прямо, доколѣ онъ притѣснялъ Европу, возвышать предъ нимъ гласъ чести и истины, когда онъ имѣлъ надъ нами нѣкоторую власть, но великодушіе повелѣваетъ не оскорблять его по-

елѣ паденія, говоритъ о немъ отны-нѣ строгимъ и умѣреннымъ языкомъ потомства — и сей преступной главѣ предоставитъ священное право, пріобрѣтаемое нещастіемъ. Писатель можетъ нынѣ оказывать милосердіе свое: ему позволено подражать великодушію побѣдителей, и умѣрять, не безъ труда, негодованіе, которое, противъ воли, вырывается изъ сердца его!

Въ происшествіяхъ царствъ и въ жизни людей, находимъ постоянный законъ, который можнобъ было назвать судьбою, естьлибъ онъ не былъ дѣйствіемъ вѣчнаго, непостижимаго Провидѣнія. Сей законъ, существующій въ нравственномъ мірѣ, равно какъ и въ физическомъ, является наиболѣе въ тѣ бурныя времена, когда, посреди сильныхъ волненій, вы-

ходятъ на поприще необыкновенные люди, которымъ Исторія придаетъ названія завоевателей, и хищниковъ трона. Противъ нихъ обращены были въ теченіе четырехъ вѣковъ всѣ усилія просвѣщеннаго міра: по всему казалось, что отнынѣ положена непреоборимая преграда предъ мечтою о всемірной Монархіи, единственною цѣлію и вмѣстѣ камнемъ преткновенія великихъ славолюбцевъ всѣхъ вѣковъ. Политическое устройство Европы казалось достаточною защитою противъ всѣхъ подобныхъ опасностей, и естьли съ одной стороны Французская революція открыла всю слабость прежней системы Европейскихъ Государствъ, то съ другой надѣялись найти въ ходѣ и слѣдствіяхъ сей революціи вѣрное средство противъ

ея началъ. Политики, утверждавшіе, что твердое и законное основаніе вещей произойдетъ наконецъ изъ бездны толикихъ бѣдствій и ужасовъ, вездѣ находили последователей. Странные мечтатели! Они не страшились сооружать на зыбкомъ краю огнедышущаго жерла то зданіе, которое хотѣли увѣковѣчить!

Но революція сія, потрясшая общественный міръ въ основаніяхъ его, долженствовала произвести самое странное изъ всѣхъ явленій. Исторіи предлежитъ изобразить, какимъ образомъ, по низпроверженіи всѣхъ понятій нравственныхъ и политическихъ, одинъ человѣкъ вдругъ получилъ несмѣтное наслѣдство революціи. Она скажетъ, по какому стеченіе неслыханныхъ обстоятельствъ, Европа способствовала первымъ его

шагамъ къ верховной власти, и какимъ образомъ надежды и мечтанія цѣлаго міра увѣнчали сею властію главу, вмѣщавшую уже въ себѣ начало всѣхъ бѣдствій, распространенныхъ съ того времени по шару земному!

Быстрые и бурные успѣхи Французской революціи, причинивъ несмѣтныя и безполезныя преступленія и бѣдствія, превратились наконецъ въ медленное, мрачное тиранство, которое неосновательностію и слабостію своею угрожало существованію Государства. Утомленные умы чувствовали необходимость мира, и сіе неопредѣленное, но общее желаніе преимущественно господствовало во Франціи, когда Бонапарте, на развалинахъ могущества различныхъ партій, принялъ бразды правленія. Казалось, что все об-

стоятельства споспѣшествовали къ возвышенію его на такую степень, на которой онъ не нашелъ бы ни одного соучастника и мало совмѣстниковъ во всей Исторіи; но сія слава не могла быть его удѣломъ — Бонапарте дерзко бросился на обыкновенную стезю, на которой многіе славолюбцы уже прежде него нашли свою погибель!

Побѣды при Маренго и Гогенлинденѣ укрѣпили раждающееся величіе, но Бонапарте, ни мало не обращая вниманія на внутреннее управленіе Франціи, занялся единственно личною своею славою. Онъ сдѣлался Консуломъ по смерть, Императоромъ Французовъ, Королемъ Италіи и вскорѣ потомъ Покровителемъ Рейнскаго союза, сооруженнаго имъ на развалинахъ Германской консти-

туціи. Между тѣмъ необыкновенное сіе щастіе не могло его удовольствовать, и онъ протекъ по степенямъ исполинскаго величія своего съ поспѣшностію и безпокойствомъ, которыя доказывали, что онъ, кромѣ похищенія коронъ, имѣетъ обширнѣйшіе замыслы. Сія коварная душа испускала изъ облекавшаго ее мрака лучи, которые приводили въ ужасъ самыя твердыя души. Кровь Герцога Ангіенскаго обагрила ступени Бонапартова трона. Европа содрогнулась, узнавъ о семъ преступленіи: она почувствовала въ тоже время, что не можетъ отомстить за умерщвленіе сей жертвы, и въ послѣдній разъ воспользовалась правомъ изъявить свое негодованіе.

Тогда Бонапарте началъ обнаруживать свои правила. Онъ старал-

ся привести свои предпріятія въ систему; сильная ненависть, притворная или истинная, къ Англійскому правительству, послужила ей личиною, и онъ положилъ основаніе системѣ, которую по справедливости назвалъ *континентальною*, естьли желалъ симъ словомъ выразить совершенное отдѣленіе твердой земли отъ океана и вѣчное расторженіе обоихъ полушарій. Сія система разрушала всякое просвѣщеніе, промышленность, народное богатство, и столь была безразсудна, что старалась замѣнить великія соображенія 15 вѣка жалкими изобрѣтеніями Химіи, и подъ предлогомъ отнятія у Англичанъ владычества надъ морями, долженствовала вручить Бонапарту обладаніе твердою землею.

Въ то время, когда Бонапарте хотѣлъ исполнить мечтательное свое предпріятіе противъ Англіи, Европа, узнавъ объ угрожающихъ ей опасностяхъ, и разсѣявъ долговременныя свои мечтанія, сдѣлала усиліе, чтобъ лишить Францію обладанія твердою землею. Сіе усиліе не было щастливо. Бонапарте дерзостію своею пріобрѣлъ при Аустерлицѣ право подписать Пресбургскій мирный трактатъ. Тогда могъ онъ даровать Европѣ миръ, а Франціи нетлѣнную славу, но ожиданіе вселенной и въ семъ случаѣ не исполнилось!

Пруссія, которую Бонапарте щадилъ въ 1805 году, вскорѣ послѣ того сдѣлалась его добычею. Тѣнь Фридериха II не бодрствовала надъ твореніемъ его. Паденіе Принца

Лудовика Фердинанда было началомъ бѣдствій. Іенское сраженіе отдало всю сѣверную Германію во власть побѣдителя, но Бонапарте не могъ помыслить, что она со временемъ, подобно фениксу, вознесется въ новомъ блескѣ изъ своего пепла! Уже въ то время начали примѣчать странное безплодіе, которымъ Богу угодно было ознаменовать самыя сокровенныя предпріятія Бонапарта. Уже въ то время, нападая на враговъ своихъ, онъ споспѣшествовалъ ихъ возстановленію, и залоги благоденствія, сдѣлались, по чудесной превратности, залогами его паденія и стыда!

Полились ручьи крови человѣческой при Пултускѣ, Эйлавѣ, Гейлсбергѣ. Бонапарте узналъ, что можетъ совершить храбрость велика-

го народа, ополчившагося за правду, но еще не наступило время, въ которое народъ сей долженствовалъ явиться глазамъ его во всемъ своемъ блескѣ. Тильзитской трактатъ въ 1807 году прекратилъ сію войну. Бонапарте, подписавъ его, открылъ предъ собою длинный рядъ битвъ, — и онъ конечно улыбнулся, при помышленіи, что нещастія рода человѣческаго еще продолжатся!

По первому взгляду казалось, что Тильзитской миръ возвелъ Францію на высшую степень политической силы, но она сама сдѣлалась жертвою бѣдствій, которыя изливала на вселённую, лишилась религіи, освящающей народы, и законовъ, которые созидаютъ ихъ благоденствіе. Она лишилась морской силы своей, которой Нельсонъ нанесъ

смертельный ударъ при Трафалгарѣ, и богатыхъ колоній, которыя потеряны были мало по малу безмѣрнымъ тщеславіемъ Бонапарта. Она взирала съ ужасомъ на колоссъ Британіи, которая, будучи естественнымъ перевѣсомъ Французской силы, симъ самымъ принуждена была выйти изъ своего положенія, и пріобрѣтать силою сокровища обоихъ полушарій. Наконецъ она чувствовала необходимость въ продолжительномъ мирѣ, чтобъ исцѣлить свои раны, и изгладить изъ памяти Европы кровавыя волненія, которыхъ она была жертвою. Въ то время, можетъ быть, сама Европа согласилась бы забыть несправедливость, оказанную Неаполитанскому трону и многимъ Нѣмецкимъ Государямъ, изгнаніе, которымъ онъ по-

разилъ чужестраннаго Министра, не могши ни устрашить, ни развратить его *) и умерщвленіе нещастнаго Пальма, котораго кровь вопіяла о мщеніи. Бонапарте, воспользовавшись общимъ расположеніемъ умовъ, и прикрывъ прежнее свое поведеніе, былъ бы, можетъ статься, въ состояніи, присоединить къ воинской славѣ своей, другую, которая безпорочнѣе и тверже первой, но сей поступокъ былъ противенъ его характеру и положенію: ему казалось невозможностію остановиться, и безъ сомнѣнія, въ законахъ Предвѣчнаго начертано было, чтобъ онъ не останавливался.

*) Барона Штейна, который, при просвѣщеніи нынѣшняго вѣка имѣетъ душу Римлянина.

. . . . Non ego te meis
Chartis inornatum silebo.
Horat.

Поступки его съ Испаніею были первымъ злодѣяніемъ, которое непосредственно обратилось на собственную его главу. Не довольствуясь безпредѣльнымъ вліяніемъ своимъ на Правительство Испаніи, не стараясь продолжить дремоты, въ которую, по видимому, погружена была нація, Бонапарте низпровергъ Правительство, въ которомъ имѣлъ нужду, и пробудилъ народъ, котораго силы надлежало ему страшиться. Онъ хотѣлъ сначала лишить его употребленія могущества, которымъ онъ ему столь хорошо служилъ, и прибѣгнулъ къ обману. Европа съ негодованіемъ увидѣла, что онъ самыми постыдными коварствами сначала поссорилъ, а потомъ похитилъ Королевскую фамилію увидѣла съ изумленіемъ, что

корона Филиппа II перешла на главу Іосифа Бонапарте, и нѣсколько времени страшились, что спокойное покореніе Испаніи откроетъ Французамъ путь въ Новый Свѣтъ.

Но сіи опасенія были напрасны: сильное мщеніе овладѣло народомъ, котораго характеръ былъ неизвѣстенъ Бонапарту. Вѣра, любовь къ Отечеству и народная честь возбудили весь полуостровъ. Сіи сильныя побужденія, неослабленныя излишнимъ умствованіемъ въ сей пламенной землѣ, были тройственнымъ союзомъ, соединившимъ всѣхъ Испанцевъ. Они сдѣлались непобѣдимыми; полились рѣки крови человѣческой; необходимость понудила принести несмѣтныя жертвы; — имена сообщниковъ Бонапарта давно уже будутъ преданы забвенію, когда

не престанутъ ходить на поклоненіе развалинамъ Сарагоссы. !

Сія гнусная и дерзкая война съ Испаніею доказала, что Французы *не безошибочны* въ политикѣ и *не непобѣдимы* на полѣ брани. Она нанесла первый ударъ имени ихъ предводителя. Англія, никогда не совращавшаяся съ пути, которымъ идетъ съ начала Французской революціи, вспомоществовала усиліямъ Испанцевъ съ могуществомъ и постоянствомъ, которыя не изнемогали ни отъ затрудненій внутренняго ея управленія, ни отъ мгновенныхъ успѣховъ Бонапарта. Правительство Британское даровало Испаніи въ лицѣ Веллингтона поруку въ ея независимости и славѣ.

Къ войнѣ Испанской надлежитъ присовокупить поступки Бонапар-

та съ Папою, чтобъ понять двѣ величайшія ошибки, которыя дерзость заставила его сдѣлать въ политикѣ. Пій VII возложилъ на главу Бонапарта вѣнецъ Карла Великаго, но дорого заплатилъ за сіе пагубное снизхожденіе. Вскорѣ Бонапарте самъ наказалъ его. Руководствуемый во всякое время безпокойнымъ духомъ своимъ, надѣялся онъ съ такимъ же успѣхомъ поработить владычество понятій о вѣрѣ, съ какимъ удалось ему покорить Европу. Но— дѣло удивительное! Въ Ватиканѣ, свободный Папа былъ главою Римской церкви, а въ Фонтенебло былъ онъ слабымъ старцемъ, котораго безъ успѣха терзали искусные въ коварствѣ преслѣдователи. Созвали Соборъ — и побѣдитель Европы не могъ преклонить на свою сторону

малаго числа духовныхъ особъ. Религія, удалявшаяся отъ служителей своихъ по мѣрѣ того, какъ Бонапарте, коварствомъ или силою, привлекалъ ихъ къ себѣ, скрылась въ убѣжище, неприступное его могуществу — и онъ, подобно баснословному Иксіону, обнималъ облако и дымъ!

Каково бы въ то время ни было вліяніе политическихъ поступковъ его, но Бонапарте пользовался еще довѣренностію своей арміи. Война 1809 года возстановила его воинскую славу. При всѣхъ усиліяхъ великодушнаго народа, не смотря на побѣду, одержанную Австрійцами при Аспарнѣ, Вѣнскій трактатъ открылъ новое поприще славолюбію Бонапарта. Союзъ, имъ вскорѣ послѣ того заключенный, казался подпорою политическаго бытія его;

но ничто не могло укротить сей упорной души.

Въ самомъ дѣлѣ, время, протекшее между заключеніемъ Вѣнскаго трактата и вступленіемъ Французовъ въ Россію, было одною изъ блистательнѣйшихъ эпохъ Бонапарта. Вся твердая земля была порабощена или угрожаема порабощеніемъ. Всемірная Монархія быстро приближалась. Нещастія вселенной дошли до высшей степени, но Бонапарте былъ властелиномъ Европы, и личное тщеславіе заставляло его желать единственно утвержденія сей исполинской силы.

Александръ, руководствуемый умѣренностію, происходящею отъ характера и правилъ его, принесъ самыя тягостныя жертвы, для утвержденія мира, который казался

необходимымъ для Россіи. Съ самаго вступленія на престолъ онъ изъявлялъ пламенное желаніе возстановить порядокъ дѣлъ въ Европѣ. Дважды являлся онъ на поприщѣ брани, но Бонапарту предоставлено было пройти всѣ степени щастія, чтобъ упасть съ большей высоты. Императоръ Всероссійскій, увѣренный въ силѣ и приверженности своихъ народовъ, обратилъ все вниманіе на внутреннее устройство обширнаго Государства своего, но въ 1812 году увидѣлъ себя принужденнымъ взяться за оружіе. Дѣло шло не о возстановленіи Европы, а о спасеніи Россіи.

Бонапарте, ни мало не признавая, сколь благотворны были вѣрный союзъ и великодушное терпѣніе Россійскаго Государя, воспользо-

вался оными, для начатія одного изъ тѣхъ *огромныхъ* походовъ, которые, по военной системѣ новыхъ народовъ, казались баснословными и невозможными. Сему вооруженію предшествовали всякія оскорбленія, какія только можно было оказать Россіи. Онъ старался произвесть мятежи на границахъ ея, продлить ведомыя ею войны, лишилъ владѣній Государя, соединеннаго узами родства со Всероссійскимъ Императоромъ — словомъ употребилъ всѣ средства раздражить Государя, и оскорбить народъ, управляемый имъ съ толикою славою.

Для поддержанія и довершенія своихъ политическихъ злодѣяній, ввелъ онъ въ Россію войско, состоявшее изъ 600,000 человѣкъ Французовъ и союзниковъ или данниковъ

Франціи. При сей арміи были безчисленная конница, несмѣтная артиллерія, всякіе ремесленники, даже женщины и дѣти. По всему казалось, что новый Ксерксъ питался чудовищною мыслію простерть завоеванія свои до Азіи, или, по крайней мѣрѣ, предписать въ Москвѣ миръ, который, разрушивъ зданіе Петра и Екатерины, доставилъ бы Франціи спокойное обладаніе твердою землею.

Здѣсь начали обнаруживаться великіе законы судьбы, управляющей важнѣйшими происшествіями въ свѣтѣ. Взгляните на пространство и силу державъ, подвластныхъ Франціи — и увидите союзъ цѣлой Европы противъ одной державы, союзъ, сдѣлавшійся послѣ того, по чудесной превратности дѣлъ, орудіемъ,

которое Богъ уготовалъ для наказанія Франціи. Бонапарте быстро вошелъ въ Россію, и Руские отступили, чтобъ соединить силы свои. Палъ Смоленскъ, преграда Москвы — и сіе подало знакъ къ началію новой брани, брани народной, въ которой возобновились чудеса войны Испанской. Бородинская битва, которую Французы назвали исполинскою, явилась первымъ оплотомъ потоку, угрожавшему поглотить всю Имперію. Выполняя великую мысль, внушенную великими обстоятельствами, Кутузовъ впустилъ непріятеля въ Москву — и сія славная жертва спасла Россію и Европу.

Поведеніе Бонапарта въ Москвѣ вовсе не показываетъ того искуства, котораго неоднократно мы видѣли примѣры. Привыкнувъ къ

спокойной покорности занимаемыхъ столицъ, къ правильному грабежу областей, къ похвальнымъ рѣчамъ городскихъ чиновниковъ, къ холодности народнаго духа, онъ крайне изумился, нашедъ совершенно пустой городъ.—Лишь только принялъ онъ его во владѣніе, какъ столпы пламени и дыма поднимаются со всѣхъ сторонъ и въ нѣсколько дней пожираютъ произведенія многихъ вѣковъ. Дворцы и храмы, памятники искуствъ и чудеса роскоши, остатки вѣковъ прошедшихъ и произведенія новѣйшихъ временъ, гробы праотцевъ и колыбели настоящаго поколѣнія — все было предано пламени: не осталось ничего, кромѣ чести народной и свободы!

Между тѣмъ, какъ Бонапарте, разстроенный во всѣхъ предпріяті-

яхъ, обманутый силою мужественнаго и вѣрнаго народа, и по видимому пораженный сумасшествіемъ, предавался безумному бѣшенству и подрывалъ Кремль — Императоръ Александръ, сильно тронутый нещастіями своего народа, но уважавшій въ сердцѣ характеръ его, подавалъ ему примѣръ истинно геройской твердости. Онъ провозгласилъ, что отказывается отъ всѣхъ мирныхъ предложеній. Онъ рѣшился испить всю чашу бѣдствій, а не измѣнить чувствамъ своимъ. Онъ положился на помощь Божію и на мечъ свой, и вооружась, выступилъ на поприще, въ твердомъ намѣреніи побѣдить или умереть. (*)

(*) Ничто неможетъ сравниться съ объявленіемъ Императора Всероссійскаго въ то время, когда Французы вошли въ Москву. Ни одинъ изъ новыхъ народовъ не

Сія рѣшимость положила начало бѣдствіямъ Французской арміи — бѣдствіямъ, которыхъ ужаса никакой языкъ выразить не можетъ.

имѣетъ въ архивахъ своихъ столь знаменитаго памятника. Все содержаніе сего объявленія совершенно исполнилось: выпишемъ нѣкоторыя мѣста: „Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и вольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое вѣрнымъ духомъ его сыновъ. — При бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію своею и мужествомъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя, противъ воли своей, съ нимъ воюютъ? — Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже всемогущій! обрати милосердыя очи твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ!

Всѣ возможныя нещастія облегли Французовъ въ Москвѣ, и преслѣдовали ихъ въ достопамятномъ отступленіи. Стужа, голодъ, отчаяніе, пламя истребляли избѣгавшихъ Рускаго меча. Несмѣтное число враговъ, которыхъ существованіе неизвѣстно было Бонапарту, напало на него со всѣхъ сторонъ. Всякой Руской крестьянинъ сдѣлался героемъ; каждый имѣлъ причину мстить врагамъ: каждый лишился отца, сына, брата, видѣлъ оскверненіе святыни, сожженіе дворцевъ и хижинъ. Народный восторгъ дошелъ до высочайшей степени. Всѣ востали по одному мановенію, и двинулись въ *крестовый походъ*, котораго свойство и блистательные подвиги Исторія предастъ потомству.

Она возвѣстить въ тоже время всю славу Рускаго оружія: сраженія при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Вязьмѣ, искусный походъ на Красной, бѣдствія Французской арміи при Березинѣ и въ Вильнѣ. Она не забудетъ Клястицъ, Полоцка и Витебска: всѣ сіи подвиги принадлежатъ нашимъ лѣтописямъ.

Александръ изгналъ изъ предѣловъ своихъ вѣроломнаго врага, возмутившаго ихъ спокойствіе. Онъ истребилъ армію въ шесть сотъ тысячь человѣкъ — цвѣтъ Европы, противъ него ополченной. Онъ могъ бы съ гордостію опустить мечь во влагалище, и ждать непріятелей; но другая, высокая мысль втайнѣ его занимала. Онъ видѣлъ, что союзники Франціи сражались съ нимъ противъ воли, видѣлъ, что Европа

стенала подъ тяжкимъ игомъ и изнемогала отъ угнетающихъ ее бѣдствій. Александръ рѣшился освободить побѣжденные народы, вознамѣрился отомстить за оскорбленіе народныхъ правъ, и въ самомъ независимомъ Монархѣ вселенныя явить защитника тѣхъ высокихъ, благодѣтельныхъ правилъ, которымъ свѣтъ обязанъ былъ четырьмя вѣками славы и благоденствія!

Первый Государь, съ которымъ Александръ раздѣлилъ свой благородный восторгъ, былъ Король Прусскій. Сіи Царскія души не преставали разумѣть другъ друга: всѣ прежнія сношенія довѣренности и дружбы были возстановлены. Наученные нещастіями, оба Монарха простерли съ взаимною нѣжностію братскую руку. Между ими возник-

ло благородное дружество тѣхъ чудесныхъ временъ, когда вѣнецъ Царскій украшалъ шлемъ великодушныхъ рыцарей.

Народы послѣдовали примѣру Монарховъ. Россіяне и Прусаки составили одну армію. Россія и Пруссія соединились въ Государство, движимое одною мыслію, и направляемое къ одной цѣли. Ходъ правленія Пруссіи въ сіе время достоинъ величайшаго удивленія. Все было сдѣлано, все было предуготовлено въ безмолвіи, всѣ Государственныя средства втайнѣ приведены въ дѣйство. Пруссія вмигъ вооружилась, и пребывая вѣрною своимъ обязанностямъ, явила толикую честность, неустрашимость и твердость, что въ теченіе одного похода возвратила

славу, утраченную десятилѣтними бѣдствіями.

Совершенное и постоянное участіе Пруссіи въ системѣ Россіи и Англіи было вѣрною порукою въ успѣхѣ, но всего не было еще сдѣлано: для отраженія Франціи въ законные ея предѣлы, надлежало одушевить всю Германію тѣми же правилами, но положеніе ея представляло сему множество препятствій. Германія, раздѣленная на части пользами, вѣрою, можно сказать и языкомъ своихъ жителей, въ теченіе многихъ вѣковъ была жертвою самыхъ бѣдственныхъ политическихъ смятеній. Пагубное вліяніе Бонапарта довершило разстройство сей земли, которою онъ всячески старался овладѣть, и нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ ка-

залось, что рѣка Эльба отдѣляетъ свободную Европу отъ Европы порабощенной. (*)

Въ семъ положеніи дѣлъ, Императоръ Александръ почувствовалъ, что наступилъ часъ рѣшительный. Онъ усмотрѣлъ, что для оживленія всей Германіи однимъ духомъ, надлежитъ произвесть общую опасность, и возжечь общую войну. При Люценѣ союзныя арміи удержали за собою поле битвы, но увидѣли необходимость уступить на время превосходной числомъ и пособіями непріятельской силѣ. Отступленіе произведено было такъ искусно, что не потеряно ни одной пушки. При Бауценѣ Бонапарте не могъ сбить союзной арміи ни на одномъ

(*) Полит. картина Европы послѣ Лейпцигскаго сраженія, стр. 57 въ подлин.

пунктѣ; но надлежало предуготовить великіе удары, открыть глаза всей Германіи — и заключено было перемиріе.

Германскіе Государи ясно увидѣли, что освобожденіе ихъ находится въ собственныхъ ихъ рукахъ. Австрія, увѣрясь въ томъ, что не должно терять времени на разсужденія, и что надлежитъ жертвовать священнѣйшими чувствами природы обязанностямъ Государя, не ожидала важнѣйшихъ успѣховъ. Императоръ Францъ, помня должности Царя, забылъ чувства отцовскія. Сіе рѣшеніе, котораго надлежало ожидать отъ Государя, царствовавшаго по правиламъ отца въ теченіе 25 лѣтъ, присоединило къ союзу 100,000 человѣкъ и всю южную Германію. По прекращеніи Прагскаго конгреса,

воспылала война съ новою силою и новыми надеждами!

Полководецъ, призванный на ступени престола Вазы желаніемъ воинственнаго народа, прибылъ изъ Скандинавіи, услышавъ гласъ славы и свободы. Душевное чувство влекло его на равнины Германіи. Онъ желалъ, чтобъ Великій Густавъ на гробницѣ своей призналъ его преемникомъ Шведской славы, желалъ заключить союзъ съ его тѣнію!

Не стану изображать военныхъ дѣйствій, ознаменовавшихъ открытіе сей кампаніи: битвы при Дрезденѣ, гдѣ палъ Моро, Кульма, гдѣ воины Леонида нашли преемниковъ, Денневица, береговъ Кацбаха, гдѣ и теперь раздается имя Блюхера, всѣхъ сихъ достопамятныхъ мѣстъ, гдѣ союзныя державы побѣдами, дорого

искупленными, научались расторгать оковы вселенныя; но при Лейпцигѣ Бонапарте лишился скипетра Германіи, при Лейпцигѣ, гдѣ всѣ Германскіе Государи соединились наконецъ подъ одною хоругвію, на общую брань въ священномъ союзѣ Европы.

Побѣда при Лейпцигѣ привела союзниковъ мгновенно на берега Рейна. Бонапарте никогда не претерпѣвалъ подобнаго пораженія. Равнины Лейпцигскія сдѣлались Каталаунскими полями новаго Аттилы. Онъ впалъ тамъ въ ошибки, подобныя тѣмъ, которыя погубили его въ Россіи. Онъ непремѣнно хотѣлъ оставаться въ Дрезденѣ, какъ оставался въ Москвѣ. Провидѣніе вознамѣрилось снять съ него личину искуства и воинской славы, слу-

жившую ему покровомъ, а потомъ представило его свѣту во всей ужасной наготѣ, дабы народы рекли въ изумленіи: „*се человѣкъ раздражаяй землю, потрясаяй Цари?*" *)

Между тѣмъ, какъ Бонапарте спѣшилъ унесть за Рейнъ стыдъ свой и пораженіе, Союзные Государи явились на берегу сей рѣки и прешли безъ препятствій сію мнимую естественную преграду Франціи. Она не лучше была защищаема тремя рядами крѣпостей, пріобрѣтенныхъ вѣкомъ славы и двадцатью годами революціи. Союзные Монархи, пребывая вѣрными своему правилу, предложили еще разъ миръ Бонапарту, но онъ, пораженный слѣпотою, почелъ себя обиженнымъ, что ему между Рейномъ и Пиреней-

*) Исаіи гл. XVI. 16.

скими горами соглашались дать болѣе, нежели имѣлъ Лудовикъ XIV, хотя—„Королевская Французская корона, какъ сказалъ одинъ мужественной чиновникъ, блистала славою и величествомъ посреди всѣхъ діадимъ.“ (*)

Союзныя арміи заняли области Французскія. Не стану слѣдовать за

(*) Рѣчь Депутата Лене. Исторія сохранитъ имена Лене, Ренуарда, Мера города Бордо и чиновниковъ Парижскаго Магистрата, которые впервые провозгласили истину и подали великій пр.мѣръ всей Франціи. Сія честь тѣмъ приличнѣе для нихъ, что тиранство Вонапарта не нашло почти никакого сопротивленія во Франціи. Этотъ человѣкъ такъ былъ искусенъ въ порабощеніи, что успѣлъ оковать во всѣхъ смыслахъ самую непостоянную націю въ свѣтѣ. Мы не знаемъ ни одного Государственнаго человѣка, которой смѣлъ бы возвысить голосъ въ правленіе Вонапарта, ни одного писателя, котораго наказали бы за открытіе какого нибудь изъ его злодѣяній. Надлежало, чтобъ десятилѣтнія нещастія и присутствіе побѣдоносныхъ армій всей Европы покровительствовали первыя совѣщанія законныхъ властей, и дали силу самымъ справедливымъ требованіямъ!

ними на семъ побѣдоносномъ шествіи. Бріенна, Троа, Лаонъ, Соасонъ, Ферь-Шампеноазъ сохранятъ память о ихъ подвигахъ. Спѣшу созерцать въ стѣнахъ Парижскихъ Великаго Монарха, который долженствовалъ расторгнуть оковы Франціи, возвратить наслѣдіе Св. Лудовика его праправнуку, и даровать миръ вселенной!

Бонапарту предоставлено было совершить еще одно безумное дѣло. Онъ приказалъ защищать Парижъ; но блистательная побѣда подъ стѣнами сей столицы послужила единственно къ возвышенію храбрости и великодушія Всероссійскаго Императора: пламя Москвы освѣщало первые шаги его, но въ сей великой душѣ замираетъ всякое чувство мщенія. Александръ платитъ за зло

благодѣяніями, и сіи полчища *варваровъ*, которыя Бонапарте грозился *отразить въ степи Азіи*, сіи полчища, послушныя гласу ведущаго ихъ Государя, на улицахъ Парижа смѣшиваются съ народомъ, противъ котораго воевали, и почитаютъ освобожденныхъ отъ тирана Французовъ жертвами, а не врагами!

Исторія не представляетъ намъ Государя, который пріобрѣлъ бы подобную славу; никогда правила Государственныя не согласовались такъ щастливо съ благороднѣйшими ощущеніями сердца! — Одерживать побѣды, сжигать города, разсѣвать раздоры, возбуждать междоусобія, принуждать къ миру — вотъ дѣла обыкновенныхъ завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусныхъ тирановъ, возстановлять повсюду

законную власть, дѣйствовать въ званіи Царя, исполнивъ долгъ рыцаря на бранномъ полѣ, быть человѣкомъ на самомъ неограниченномъ тронѣ вселенныя, на вершинѣ величія преклоняться предъ Провидѣніемъ, въ скромности и простотѣ отвергать раболѣпство, убѣгать собственной своей славы — вотъ подвиги Александра!

Сравните его поведеніе съ дѣлами мнимаго возстановителя Франціи. Бонапарте, отягощенный добычею Европы, упоенный ложнымъ величіемъ и десятилѣтнимъ щастіемъ, сокрушился о сѣверный колоссъ. Александръ, видя нападеніе на земли свои безъ объявленія войны, принимаетъ въ виду Европы вызовъ Корсиканца, и преслѣдуя мечемъ свирѣпаго врага своего отъ Москвы до Парижа, принуждаетъ его признать-

ся въ своемъ пораженіи, и на колѣняхъ умолять побѣдителя о помиловавіи. Бонапарте принесъ въ Россію всѣ язвы Египетскія; Александръ явился посреди Французовъ въ видѣ Ангела-Хранителя; Бонапарте въ Россіи старался, по обыкновенному правилу своему, отдѣлить народъ отъ законнаго правленія; Александръ возвратилъ Французамъ единственнаго Государя, могшаго примирить кровь Лудовика XIV съ Франціею и загладить двадцатилѣтнія бѣдствія, и по удивительному великодушію, предоставилъ Франціи честь сего великаго раскаянія. Бонапарте въ Москвѣ посрамилъ величіе престоловъ и нарушилъ спокойствіе гробовъ. Первое дѣяніе Александра въ Парижѣ было благородное уваженіе правъ человѣчества, въ самомъ упо-

нiи побѣды. Бонапарте, истощая свое Государство, предавая воиновъ неизбѣжной смерти, пожертвовалъ всѣмъ собственному сохраненiю; Александръ, увлекаемый храбростiю, участвовалъ въ трудахъ и опасностяхъ послѣдняго изъ воиновъ своихъ, и предсѣдалъ въ совѣтѣ Царей и Полководцевъ. Бонапарте презираетъ людей и притѣсняетъ ихъ, Александръ утѣшаетъ и облагороживаетъ. Бонапарте, наконецъ, довершая оскорбленiе насмѣшками, посрамилъ наши олтари, нарушилъ наши нравы и законы. Александръ, являя Французамъ великодушiе Генриха IV, говорилъ съ ними его языкомъ!

Картина трогательная и удивительная! Французы видѣли, какъ сей Герой, юностiю и красотою

Ринальдъ, храбростію Танкредъ, опускалъ, подобно имъ, остріе грознаго меча своего предъ священнымъ образомъ Искупителя міра; они видѣли его, подобно Готфриду Буйльонскому, предъ рядомъ крестоносныхъ Государей, повергающагося предъ Господомъ Силъ въ мѣстахъ, обагренныхъ кровію мучениковъ, и превосходящаго щастіемъ сего Французскаго героя, — примиряющаго съ съ Небомъ народъ, побѣжденный имъ на земли!

Наступилъ день искупленія. Моро, на смертномъ одрѣ говорилъ вѣрному и нещастному своему другу: (*) „Не забудь сказать всѣмъ Французамъ, которые будутъ говорить съ тобою обо мнѣ, что я на-

(*) Полковнику *Рапателю*, убитому въ сраженіи при *Ферѣ-Шампенуазѣ* въ глазахъ Государя Императора.

дѣялся еще принести нѣкоторыя услуги Отечеству; скажи, что вся Франція должна согласиться, въ необходимости низринуть Бонапарта. Скажи имъ, прибавилъ онъ трепещущимъ голосомъ, что я посвятилъ себя дѣлу человѣчества, но что сердце мое всегда принадлежало Франціи.“ Сіи пророческія слова исполнились-тѣнь Моро успокоилась; Франція свободна — и самая важная изъ всѣхъ бывшихъ когда либо револю; цій совершена съ удивительнымъ единодушіемъ. Она, подобно утренней зарѣ, предвѣщаетъ новый порядокъ вещей; царствованіе разстройства прекратилось; все вступаетъ обратно въ естественные свои предѣлы. Обагренные кровію хищники уже не будутъ дерзостно садиться за столы Царскіе, не будутъ раздѣ-

ляшь съ ними могилъ. Воля Всемогущаго очевидна. Царскія поколѣнія не будутъ пресѣчены. Онъ подвергъ сіи поколѣнія долговременнымъ, тягостнымъ опытамъ: они побѣдили ихъ — и достояніе вѣковъ не сдѣлается добычею одного щасшливаго, смѣлаго дня!

Но естьли, съ одной стороны, право Царей утверждено двадцатилѣтнею революціею, то съ другой народы узнали свои силы: они вспомнятъ, что были послѣднимъ оплотомъ человѣчества; они имѣютъ право на благодарность Государей, которыхъ столь храбро защищали. Исполненные взаимнаго уваженія, и наученные, въ чемъ состоитъ истинная ихъ польза, Государи и народы принесутъ на могилѣ Бона-

парта взаимную жертву самовластія и народнаго безначалія.

Европа не представляла никогда столь величественной картины, никогда не подавала столь великихъ надеждъ: во Франціи вновь разцвѣтутъ лиліи, согбенныя долговременною бурею, и земля сія приметъ прежній свой характеръ. Германія, наученная нещастіями, будетъ наслаждаться плодомъ своихъ подвиговъ и просвѣщенія. Россія, главная виновница возстановленія Европы, успокоится послѣ долговременныхъ трудовъ, подъ сѣнію славы, безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра! Испанія, возвратившая Короля своего, Португаллія, сохранившая наслѣдіе дому Браганцскаго, величественная и спокойная Англія поклялись во взаимной вѣрности на развалинахъ Са-

рагоссы и на равнинахъ Витторіи. Градъ Кесарей не могъ пребыть въ рабствѣ: отеческое правленіе исцѣлитъ его раны. Полуостровъ Скандинавскій не преминетъ соединиться подъ правленіемъ Государя, призваннаго для его щастія. Словомъ: Европейская Республика готовится выйти изъ хаоса и утвердить вновь свое основаніе. Безумное тиранство не будетъ противиться усиліямъ разума человѣческаго; позволено будетъ мыслить на всей поверхности шара земнаго; науки и словесность, изгнанные съ свободою и добродѣтелью, оживутъ вмѣстѣ съ ними. Торговля соединитъ всѣ народы; предѣлы, сооруженные безразсудствомъ между двумя полушаріями, разрушатся сами собою. Разумъ человѣческій, исцѣленный отъ заблужде-

ній своихъ, образованный препятствіями, приметъ ходъ, приличный истинному его величію; удаляясь отъ всѣхъ разрушительныхъ средствъ, онъ потщится возстановить зданіе общества; свѣтильникъ ложной философіи потушенъ кровію цѣлаго поколѣнія; истинныя понятія о вѣрѣ и верховной власти возникли изъ бѣдствій народныхъ, и утвердились паденіемъ Царей: начинается новой періодъ Исторіи — да именуется онъ Александровымъ!

Одинъ Бонапарте будетъ трепетать въ ярости. Зрѣлище всеобщаго благоденствія — казнь, предопредѣленная ему Богомъ — есть величайшая изъ всѣхъ казней. Съ печатію отверженія на челѣ, сидя на скалѣ дикой, гдѣ осужденъ слышать проклятія народовъ, вздохи мате-

рей, требующихъ у него первенцовъ своихъ — Бонапарте ежедневно будетъ чувствовать муки ада, изобразить которыя въ силахъ одно страшное перо Данта. Умершій для Франціи и свѣта, живой онъ будетъ слышать произносимыя надъ могилою его проклятія Исторіи, которымъ Цари Египетскіе подвергали свои бездушные трупы!

Печатать позволяется.

С. П. Б. Іюня 19 1814.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковской.

